

Сун Цзиньчэнь нахмурился, сдерживая желание двигаться, вытащил палец и вытер его салфеткой, затем снял Чу Юя с раковины.

— Как ощущения?

Чу Юй натянул штаны и неловко поёрзал:

— Странно, в штанах... натирает... снаружи ещё болит.

— Тогда не надевай их. — Сун Цзиньчэнь взял свой шёлковый халат, и Чу Юй натянул его, длинный подол закрывал его до бёдер. — Пусть проветрится, чтобы не натирало.

Ощущение голого низа с торчащей нитью было слишком странным. Чу Юй моргнул, опустил голову, заглянул под подол и быстро опустил его.

— У меня дела, нужно вернуться в офис, — наконец встал Сун Цзиньчэнь. — Если что-то нужно, позвони, принесут.

Чёрный Mercedes S подъехал к отелю. На верхнем этаже в отражении окна мелькнул бледный подбородок, на котором застыла восторженная улыбка.

Такая же бледная и тонкая рука прижалась к стеклу, пока через несколько минут в дверь номера не постучали. Тогда рука оторвалась от окна, и её владелец бросился к двери.

Открыв дверь, почти голый юноша в прозрачной ткани улыбнулся мужчине:

— Господин Сун, вы пришли.

— Да, — Сун Цзиньчэнь вошёл внутрь, его туфли мягко ступали по толстому ковру, словно по мягкому животу девушки.

Юноша опустился на колени перед Сун Цзиньчэнем и подполз к его ногам, его тонкие колени покраснели от трения о ковёр.

Но мужчину, казалось, не интересовал этот вид, он провёл пальцами по лицу юноши и вставил их в его рот:

— Готовился?

Юноша промычал в ответ, старательно облизывая пальцы, но почувствовал лёгкий запах крови. Он удивился, подумав, что Сун Цзиньчэнь только что избил кого-то, и возбудился ещё сильнее.

Его голое тело напряглось, и пенис прижался к животу, выделяя жидкость.

Сун Цзиньчэнь удовлетворённо хмыкнул, схватил юношу за волосы и притянул к себе. Юноша быстро расстегнул ширинку и начал сосать, стараясь угодить языком и горлом.

— Хватит, — юноша услышал это и вскочил на Сун Цзиньчэня, но едва оказался в желанных объятиях, как был прижат к кровати. Влажный член тёрся о его задний проход, и он сам раздвинул ноги, подняв ягодицы для удобства.

Жёсткий половой акт длился всего пятнадцать минут, после чего мужчина с хрипом кончил внутри.

Сун Цзиньчэнь, приведя себя в порядок перед зеркалом, бросил взгляд на юношу, который лежал на кровати, словно мёртвый, с мокрым от слёз лицом:

— Господин Сун... могу я... оставить то, что вы мне дали?

— Что? — Сун Цзиньчэнь подумал и понял, что юноша говорит о сперме. — Как хочешь.

Длинные ноги в брюках прошли мимо кровати, остановившись лишь на мгновение, чтобы убедиться, что юноша жив, и затем он ушёл.

Чжун Синлань закрыл глаза, чувствуя, что кто-то приблизился, ожидая ласки или даже поцелуя, и сжал простыню.

— Роль, которую ты хотел, твоя. — На столе рядом с ним легла банковская карта, и дверь закрылась.

Чу Юй остался в комнате, ел, пил, спал и скучал. Увидев на полке нефритовую статуэтку, он потянулся за ней.

Сун Цзиньчэнь, войдя в комнату, увидел обнажённое тело с болтающейся нитью между ног, кашлянул, и Чу Юй, вздрогнув, уронил статуэтку на пол, где она разбилась на куски.

Он испугался и хотел убежать.

— Стой! — Сун Цзиньчэнь указал на него, и Чу Юй замер на месте. — Не двигайся.

Чу Юй прижался к шкафу, наблюдая, как Сун Цзиньчэнь подходит, поднимает крупные осколки и кладёт их на столик.

— Осколки, — Сун Цзиньчэнь обнял его за бёдра и поднял. — Не порань ноги. Где твои туфли?

Чу Юй, ожидавший гнева за разбитую статуэтку, с удивлением понял, что Сун Цзиньчэнь беспокоится о нём. Он почувствовал тепло в груди, покраснел и отвернулся:

— Не знаю.

Сун Цзиньчэнь положил его на кровать и, естественно, запустил руки под халат, чтобы погладить круглые ягодицы. Чу Юй был худым, с впалыми щеками, но его бёдра и ягодицы были полными и мягкими. Это, пожалуй, было единственным женственным в нём, кроме его влажного отверстия. По сравнению с прошлым, Сун Цзиньчэнь был доволен его молчанием и покорностью. Он погладил его по поясице и спросил:

— Ещё болит?

Чу Юй задумался, не зная, о чём именно спрашивают. Если вспомнить всё, то болело везде, но боль уже утихла и стала терпимой. По сравнению с тем, как его когда-то избивали до крови, это было ничто, и он привычно покачал головой.

— Хорошо, ты голоден? Пойдём, поедим.

Повар приготовил обед и, зная привычки хозяина, уже ушёл в свою комнату. Чу Юй, одетый только в халат и с нитью между ног, чувствовал себя неловко. Он никогда раньше не проводил столько времени голым, даже дома не решался переодеваться перед братом, всегда скрывая свои необычные формы под широкими штанами.

Чу Юй сел на деревянный стул, ощущая холод и липкость под собой. После удара у него совсем не было аппетита, не знал, от боли или тошноты. Стоило ли ему ещё грустить, он не мог понять. С детства его часто били, и он привык к этому. Он хотел сказать себе: ты просто такая судьба, раз не умер, значит, ещё рано сдаваться.

— Не по вкусу? — Сун Цзиньчэнь, насытившись и выплеснув свою жестокость на других, был спокоен, как сытый тигр, и с интересом наблюдал за маленькой птичкой, сидевшей на его лапе.

Повар приготовил куриный суп с женьшенем и ягодами годжи, который укрепляет кровь. Чу Юй опустил голову и начал пить суп, качая головой, и слёзы упали в тарелку.

— Если не можешь есть, пей больше супа, — Сун Цзиньчэнь бросил на него взгляд, но не стал комментировать. — Он полезен для крови.

Чу Юй добавил ещё пару слезинок в суп и, опустив голову, продолжил пить. Сун Цзиньчэнь наблюдал за ним и вдруг почувствовал странное. Внешне он был жестоким и беспощадным

человеком, но перед этим маленьким существом он был всемогущей опорой, и малейшая забота заставляла его плакать.

Четырёхэтажный особняк, когда-то принадлежавший большой семье, был куплен Сун Цзиньчэнем, который к тридцати годам уже мог себе это позволить. Этот дом был его местом для хранения любовниц, и здесь жили многие. Главная спальня на втором этаже была его личной зоной, а верхние этажи были переделаны под нужды его временных обитателей: игровые комнаты, танцевальные залы и даже бассейн на крыше.

Чу Юй не знал об этом и не стремился исследовать дом. Сун Цзиньчэнь выделил ему спальню и разрешил брать деньги из кабинета, но большего он не мог себе позволить.

После ужина они рано легли в постель. Сун Цзиньчэнь, лёжа на боку, обнял Чу Юя и погладил его между ног. Ему нравилась текстура кожи Чу Юя, его слегка пониженная температура, напоминающая кожу девушек, из которой в древности делали переплёты книг.

Через некоторое время Чу Юй вспотел, и от его тела, только что вымытого, исходил аромат мыла, смешанный с теплом.

<http://bllate.org/book/15448/1370456>